

— И почему она больше не принимает гостей? — спросил Лань Цзыцзюнь.

Сюй-нян со вздохом покачала головой:

— Вижу, молодой господин — человек искренний, так что скажу вам чистую правду. Некоторое время назад Цин И изуродовали лицо. Да так, что живого места не осталось. А для куртизанки, чья красота — единственный кусок хлеба, это конец. Считай, пропала девка.

— Изуродовали? — удивился Хуа Тянь. — Но как такое могло случиться? Ведь всё же было хорошо.

— Да она рта не раскрывает, — развела руками хозяйка публичного дома. — Целыми днями сидит взаперти, носа на улицу не показывает. Мы уж и так, и сяк — всё без толку.

Хуа Тянь снова протянул ей увесистый серебряный слиток:

— Возьмите, матушка Сюй. Мы лишь взглянем на девицу Цин И. Надеюсь на ваше понимание.

Сюй-нян, мгновенно повеселев от вида серебра, закивала и повела их вглубь коридоров к камерке Цин И.

— Да мне-то что, — приговаривала она на ходу. — Девка всё равно теперь бесполезная, никто её не спрашивает. Если господа брезговать не станут, входите вольно.

Оставив гостей у порога, хозяйка торопливо удалилась. Чжун Ли оглядел обветшалую, покосившуюся дверь и сокрушённо вздохнул:

— Потерять лицо — всё равно что лишиться жизни. Для здешних дев увядшая красота означает лютую смерть. Жалкое, безрадостное прозябание.

— Ну, даже ничтожный муравей способен подточить великую плотину, так что не стоит всех под одну гребёнку, — возразил Хуа Тянь. — Вот взять тебя: прославленный Призрачная Рука, чей клинок не знает равных в поднебесной. Неужели ни разу в жизни какая-нибудь «букашка» не заставляла тебя оступиться?

Чжун Ли промолчал, не найдя что ответить. Хуа Тянь уловил промелькнувшую в его глазах глубокую, затаённую грусть. Похоже, он всё ещё слишком плохо знал своего подчинённого.

Они вошли внутрь. Камерка оказалась убогой и запущенной. Хлипкое ложе, казалось, готово было развалиться от малейшего дуновения сквозняка, а колченогий стол покрывал столь густой слой пыли, что к нему страшно было прикоснуться. Кругом царило гнетущее безмолвие. Живой души не было видно.

— Девица Цин И, вы здесь? — негромко позвал Хуа Тянь.

Ответом ему была тишина. Вдруг из глубин старого шкафа донёлся резкий стук. Все разом обернулись. Дверца платяного шкафа, державшаяся на одной петле, косо повисла, приоткрывая тёмное нутро. Там, забившись в самый угол, дрожала мелкой дрожью хрупкая девичья фигура. От её судорожных всхлипов содрогался весь шкаф.

Хуа Тянь медленно сделал шаг вперёд и заговорил мягко, стараясь не напугать её:

— Девушка Цин И, не бойтесь. Помните нас? Мы приходили к вам раньше, расспрашивали про Линь Бяо и список.

Из темноты не донеслось ни звука.

— У нас появилось ещё несколько вопросов. Пожалуйста, выйдите к нам, поговорим.

Снова молчание.

— Цин И... — Хуа Тянь терпеливо подбирал слова, пытаясь выманить несчастную, однако у Чжун Ли лопнуло терпение. Не привыкший возиться с капризными девушками, он бесцеремонно шагнул вперёд, одним рывком сорвал косую дверцу шкафа и уставился на сжавшийся в комок силуэт.

— Девушка Цин И, у нас к вам дело. Живо вылезайте, — приказал он.

— Ну что за мужлан! — недовольно проворчал Хуа Тянь. — Разве можно так с барышнями?

— Зато действительно, господин, — ухмыльнулся Чжун Ли, вполне довольный собой. Способ и впрямь был топорным, но цель оказалась достигнута: теперь беглянка была перед ними как на ладони.

— Не убивайте меня! Пощадите! — вдруг взвизгнула Цин И. Она пулей выскочила из шкафа, заметалась по комнате, схватила со стола ржавые ножницы и выставила их перед собой, дико озираясь на незваных гостей.

Её лицо было наспех замотано грязными, пропитанными тёмной кровью бинтами. Из-за резких движений раны вновь открылись: алые капли проступили сквозь марлю и потекли по шее, пачкая ворот поношенного платья. Растрёпанная, полураздетая, с безумным взглядом — она сейчас походила на умалишённую.

— Цин И, неужели ты не помнишь его? — Хуа Тянь бесцеремонно ухватил Лань Цзыцзюня за плечо и выставил перед собой, превращая его в живой щит и приманку.

Благородный Лань Цзыцзюнь с его утончёнными чертами лица и изысканными, неброскими одеждами всегда производил впечатление безупречного мужа. В прошлый визит Цин И то и дело бросала на него робкие, заинтересованные взгляды, и Хуа Тянь, разумеется, это

приметил.

Оказавшись в авангарде, Лань Цзыцзюнь вздохнул и пустил в ход своё тайное оружие. Людские слабости ему были ведомы прекрасно. Он мягко, чарующе улыбнулся — так, что у любой смертной девы затрепетало бы сердце — и бархатным голосом произнёс:

— Девушка Цин И, неужели вы забыли меня?

Голос его прозвучал настолько приторно-сладко, что Хуа Тянь передёрнул плечами, потирая покрывшиеся мурашками предплечья. Цзянь Цзянь и Чжун Ли изо всех сил прыснули в кулак. Почувствовав издевку, Лань Цзыцзюнь метнул в их сторону столь леденящий взгляд, что весельчаки мигом подобрались и застыли, словно ледяные изваяния.

«Притворщик несчастный», — одними губами прошептал ему в спину Хуа Тянь, ничуть не испугавшись грозного взора.

Вместо ответа Лань Цзыцзюнь незаметно, но с чувством наступил нахалу на ногу.

— Ой-ёй! — взвыл от неожиданной боли Хуа Тянь.

Этот резкий выкрик вывел Цин И из оцепенения. Ножницы со звоном выпали из её ослабевших пальцев. Девушка бессильно опустилась на пол, спрятала лицо в ладонях и горько зарыдала.

Хуа Тянь, проигнорировав боль в ушибленной ноге, вновь подтолкнул соратника вперёд. Немного поколебавшись, тот опустился на одно колено рядом с плачущей куртизанкой и бережно коснулся её вздрагивающего плеча.

— Цин И, не плачьте. Расскажите нам, что стряслось. Мы постараемся помочь.

Девушка медленно подняла голову. Кровавые слёзы катились по её щекам; развязавшийся край повязки сполз в сторону, обнажив изувеченное лицо. Кожа была испещрена глубокими, неровными порезами от меча. Раны, лишённые должного ухода, уже начали гнить, распространяя вокруг тяжёлый, удушливый запах тления.

От этого тошнотворного зловония Лань Цзыцзюнь невольно качнулся назад, порываясь встать и отступить от этого кошмарного зрелища, однако железная хватка Хуа Тяня намертво удержала его за плечо.

«Спроси про Линь Бяо», — горячим шёпотом скомандовал тот ему прямо в ухо.

Сжав зубы и преодолевая тошноту, Лань Цзыцзюнь вернул лицу выражение глубокого сострадания:

— Девушка Цин И, скажите... а где сейчас ваш супруг?

При этом упоминании едва утихшая буря разразилась с новой силой.

— Не убивайте! Пощадите! — закричала она в ужасе.

Её перепачканные запекшейся кровью ладони намертво вцепились в белоснежный воротник его безупречных одежд, оставляя багровые разводы на дорогой ткани. Лань Цзыцзюнь инстинктивно перехватил её запястья, желая поскорее оторвать девицу от себя, но Хуа Тянь предостерегающе сжал его плечо, веля терпеть.

Хуа Тянь сам опустился рядом с ними на корточки и мягко погладил девушку по спине:

— Цин И, доверьтесь нам. Какая бы беда ни случилась, мы во всём разберёмся. Молодой господин Лань расшибётся в лепёшку, но вызволит вас.

— Ведь так, господин Лань? — Хуа Тянь насмешливо прищурился, глядя на несчастного товарища.

Лань Цзыцзюнь в этот миг всей душой желал лишь одного — стереть эту ехидную ухмылку с лица напарника. Но, совладав с собой, натянуто кивнул:

— Да... Всё именно так, девица Цин И. Поведайте нам свою печаль, не таитесь.

Дикий страх во взоре бедняжки понемногу уступил место безграничному отчаянию. Новые слёзы хлынули из её глаз. Она крепче сжала ладони Лань Цзыцзюня и взмолилась:

— О господин... Умоляю, отомстите за моего мужа!

— Что с ним произошло? — резко спросил Хуа Тянь, чувствуя, как внутри нарастает недоброе предчувствие. Убийца явно действовал на удивление расчётливо и безжалостно.

— Его убили... На куски изрубили! Живого места не оставили! — зашлась она в надрывном плаче, лицо её исказила гримаса непреходящего ужаса.

— Кто это сделал? Спокойно, присядьте и расскажите всё по порядку, — Лань Цзыцзюнь осторожно приподнял её с грязного пола и усадил на край колченогой постели.

Сглотнув рыдания, Цин И заговорила, уставившись в пустоту остекленевшим взором:

— Несколько дней назад мой супруг собрал нужную сумму и выкупил меня из этого вертепа. Мы мечтали уехать на юг, в Цзянхуай, открыть там лавку и зажить мирно... Но стоило нам выйти за городские ворота и добраться до пустыря, как дорогу преградил человек в чёрном одеянии. Он не произнёс ни слова. Просто выхватил клинок и... и...

Глаза её расширились от подступивших воспоминаний; дыхание перехватило, и она застыла, не в силах даже плакать.

— Что он сделал? — поторопил Хуа Тянь.

— Он изрубил его... превратил в кровавое месиво прямо у меня на глазах! Удар за ударом... — Цин И снова зашлась в истерику. — А после взял этот же окровавленный меч и стал кромсать мне лицо. Медленно, черту за чертой...

Выслушав её, Хуа Тянь помрачнел. На лицах Чжун Ли и Лань Цзыцзюня тоже не было кровинки. Сяо Цзяньцзяню пришлось хуже всех: к горлу подкатил кислый ком, и съеденный наутро завтрак едва не попросился наружу.

— Удалось ли тебе разглядеть его лицо? — выждав, пока рыдания девушки немного утихнут, тихо спросил Хуа Тянь.

— Нет, лицо его скрывала чёрная ткань, — со злобой процедила сквозь зубы Цин И. — Да я и не желала видеть его оскал. Уверена, под маской пряталось чудовище свирепее любого выходца из преисподней!

— Хм. Стало быть, ты боишься демонов и призраков? — вдруг поинтересовался Хуа Тянь.

Девушка робко кивнула.

— А я? Тебе я кажусь страшным? — задал он следующий вопрос.

Не ожидая такого поворота, куртизанка растерялась. Она недоумённо оглядела стоявшего перед ней молодого человека и медленно покачала головой.

— Вот и славно! Раз я не страшный, то и бояться нечего, — весело рассмеялся Хуа Тянь. Его искренний, звонкий смех чудесным образом развеял висевшее в комнате гнетущее напряжение. Цин И, пусть и не понимая причин его веселья, заметно расслабилась.

— Мы отыщем этого мерзавца, — пообещал Хуа Тянь, забрасывая наживку. Он прекрасно знал: чтобы выведать нужные сведения, сперва нужно предложить отчаявшимся то, в чём они нуждаются больше всего на свете. — И заставим его заплатить за всё.

— Правда?.. Но как вы его найдёте? — в глазах искалеченной девицы вспыхнул огонёк надежды. Она проглотила крючок.

— Нам понадобится твоя помощь. Без твоих ответов ничего не выйдет.

— Я сделаю всё, что прикажете! Только найдите его! — без тени сомнений выпалила она.

Хуа Тянь удовлетворённо улыбнулся. Для него не существовало свидетелей, чьи уста нельзя было бы открыть.

<http://bllate.org/book/18412/1796494>